

УДК 81'42

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЕСЕДНИКОМ НЕРЕАЛИЗОВАННОГО КОММУНИКАТИВНОГО ЗАМЫСЛА ГОВОРЯЩЕГО

О. В. МАРЧЕНКО¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Рассмотрена возможность интерпретации коммуникативного замысла говорящего в ситуации отказа от его реализации. Выявлены четыре основания, которые позволяют реконструировать коммуникативный замысел говорящего (частичная вербализация коммуникативного замысла, существование контекста, невербальное поведение адресанта и наличие у собеседников общей коммуникативной пресуппозиции). Продемонстрировано, что построение интерпретационной гипотезы собеседником может осуществляться с опорой как на одно основание, так и на несколько оснований. Установлено, что корреляция между степенью вербализации коммуникативного замысла и возможностью его дешифрования не является однозначной, и это обусловлено структурными и семантическими особенностями вербализованного фрагмента коммуникативного замысла. Обнаружено, что собеседник может построить интерпретационную гипотезу в случаях, когда адресант сообщения принимает решение об отказе от реализации коммуникативного замысла, еще не приступив к его вербализации.

Ключевые слова: коммуникативный замысел; адресат; адресант; интерпретационная гипотеза; отказ; коммуникативная ситуация.

РЭКАНСТРУКЦЫЯ СУРАЗМОЎЦАМ НЕРЭАЛІЗАВАНАЙ КАМУНІКАТЫЎНАЙ ЗАДУМЫ ГАВОРАЧАГА

В. У. МАРЧАНКА^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарова, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Разгледжана магчымасць інтэрпрэтацыі камунікатыўнай задумы гаворачага ў сітуацыі адмовы ад яе рэалізацыі. Выяўлены чатыры падставы, якія дазваляюць рэканструяваць камунікатыўную задуму гаворачага (частковая вербалізацыя камунікатыўнай задумы, існаванне кантэксту, невербальныя паводзіны адрасанта і наяўнасць у суразмоўцаў агульнай камунікатыўнай прэсупазіцыі). Прадэманстравана, што пабудова інтэрпрэтацыйнай гіпотэзы суразмоўцаў можа ажыццяўляцца з апорай як на адну падставу, так і на некалькі падстаў. Устаноўлена, што карэляцыя паміж ступенню вербалізацыі камунікатыўнай задумы і магчымасцю яе дэшыфравання не з'яўляецца адназначнай, і гэта абумоўлена структурнымі і семантычнымі асаблівасцямі вербалізаванага фрагмента камунікатыўнай задумы. Вызначана, што суразмоўца можа пабудаваць інтэрпрэтацыйную гіпотэзу ў выпадках, калі адрасант паведамлення прымае рашэнне аб адмове ад рэалізацыі камунікатыўнай задумы, яшчэ не прыступіўшы да яе вербалізацыі.

Ключавыя словы: камунікатыўная задума; адрасат; адрасант; інтэрпрэтацыйная гіпотэза; адмова; камунікатыўная сітуацыя.

Образец цитирования:

Марченко ОВ. Реконструкция собеседником нереализованного коммуникативного замысла говорящего. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;2:84–91.

For citation:

Marchanka VU. Reconstruction of the unrealised communicative intention of the speaker by the interlocutor. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;2:84–91. Russian.

Автор:

Ольга Владимировна Марченко – аспирантка кафедры общего языкознания. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. Г. Задворная.

Author:

Volha U. Marchanka, postgraduate student at the department of general linguistics.
march_home@mail.ru

RECONSTRUCTION OF THE UNREALISED COMMUNICATIVE INTENTION OF THE SPEAKER BY THE INTERLOCUTOR

V. U. MARCHANKA^a

^a*Minsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus*

The article deals with the possibility of interpretation of the communicative intention in a situation of refusal to realise the communicative intention. The author reveals four grounds that make it possible to reconstruct the communicative intention (partial verbalisation of the communicative intention, context, speaker's non-verbal behaviour and presence of common communicative presupposition among interlocutors). It is shown that the construction of the interpretative hypothesis by the interlocutor can be based on a single ground, as well as on several ones. It has been established that the correlation between the degree of verbalisation of the communicative intention and the possibility of its decoding is not unambiguous due to structural and semantic features of the verbalised fragment of the communicative intention. It is found that the interlocutor has the possibility to construct an interpretative hypothesis also in situations where the addressee of the message decides to not realise the communicative intention without having yet started its verbalisation.

Keywords: communicative intention; hearer; speaker; interpretative hypothesis; refusal; communicative situation.

Введение

В ходе устного диалогического общения ввиду его спонтанного, динамичного и непредсказуемого характера собеседники могут сталкиваться с коммуникативными сбоями, неудачами, затруднениями и т. д.

Сложности, связанные с осуществлением коммуникативного замысла, не раз становились объектами исследования в рамках лингвопрагматики. Разные аспекты возникающих коммуникативных затруднений изучены несколько неравномерно. Так, например, коммуникативные неудачи, т. е. ситуации, в рамках которых говорящий осуществляет коммуникативный замысел, но его собеседнику не удается декодировать смысл высказывания, получили подробное и всестороннее освещение в работах Б. Ю. Городецкого, И. М. Кобозевой, И. Т. Сабурова [1], Л. Голетиани [2], О. П. Ермаковой, Е. А. Земской [3], Л. Ю. Иванова¹, С. Г. Ильенко [4], А. Мустайоки [5], А. Ю. Серебряковой [6], Л. Л. Славовой² и др. Иным видам сбоев, возникающих в диалогическом общении, пока уделяется значительно меньше внимания. Весьма немногочисленные публикации посвящены таким феноменам, как вербальные хезитативы, употребляемые при появлении у говорящего трудностей с формулированием словесной стороны коммуникативного замысла (Н. В. Богданова-Бегларян [7], Д. О. Добровольский, И. Б. Левонтина [8], Р. В. Лебедевич [9], В. И. Подлеская [10]), недомолвки (речевой акт умолчания), которые являются незаконченными в структурном плане, но вполне завершенными (хотя и в имплицитной форме) с точки зрения содержания (О. В. Пузанова³, Г. А. Тезекбаева⁴), и др.

Отдельным типом таких ситуаций является отказ говорящего от осуществления коммуникативного замысла (ОКЗ). При анализе данного феномена принципиально важно различать две разновидности соответствующих коммуникативных ситуаций. Первая разновидность представлена случаями, когда решение об ОКЗ принимается под давлением собеседника ввиду использования им коммуникативного хода запрета или перехвата коммуникативной инициативы, препятствующего реализации замысла говорящего. Изучением подобных ситуаций занимались О. С. Иссерс [11], М. Ю. Олешков [12] и М. Л. Макаров [13]. Вторая разновидность связана с ОКЗ как следствием самостоятельного решения говорящего, принимаемого в ходе текущего анализа коммуникативной ситуации. В рамках настоящего исследования рассматриваются те контексты, в которых ОКЗ осуществляется добровольно. В результате самостоятельно принятого говорящим решения коммуникативный замысел оказывается полностью (1) или частично (2) нереализованным.

(1) – *Из-за нее, из-за новенькой! Она сказала, что вы глупая, а ваши уроки кошмарные! – нябедничала Гробыня Склепова, показывая пальцем на Таню.*

¹Иванов Л. Ю. Коммуникативная неудача // Культура рус. речи : энцикл. слов.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова. М. : Флинта, 2003. С. 251–252.

²Славова Л. Л. Типология коммуникативных неудач (на материале современной английской речи) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Киев, 2000. 19 с.

³Пузанова О. В. Прагматика и семантика умолчания : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. СПб., 1998. 18 с.

⁴Тезекбаева Г. А. Прагматика недомолвок в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Тобольск, 2011. 18 с.

Таня *хотела было возразить*⁵, но решила, что правильнее будет промолчать (НКРЯ (Емец Д. А. Таня Гроттер и магический контрабас. 2002)).

(2) «Я хочу просто...» – Она *оборвала себя*, как только что Ефима. Как глупо было бы сейчас перечислять то немного, что сделало бы ее счастливой, и как невозможно, кощунственно это перечислять!.. (НКРЯ (Осипов С. Ю. Страсти по Фоме. Кн. 3: Книга Перемен. 1998)).

Как правило, в подобных ситуациях коммуникативный замысел говорящего не распознается слушающим: он либо вообще не догадывается о том, что его собеседник намеревался что-то сказать, либо не может понять, что именно планировал сообщить говорящий. Несмотря на это, возможны (хотя и весьма редко) случаи, когда слушающему все же удается эффективно распознать коммуникативный замысел говорящего и построить правильную интерпретационную гипотезу (ИГ). Соответственно, большой интерес представляет рассмотрение оснований, выступающих в роли опорных элементов, которые помогают адресату создавать вполне надежные и адекватные ИГ. Цель настоящей статьи состоит в выявлении оснований, на которых строится ИГ, т. е. факторов, позволяющих реконструировать нереализованный коммуникативный замысел собеседника.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили 630 контекстов с ситуациями ОКЗ, отобранных из НКРЯ и произведений русскоязычных авторов, которые не зафиксированы в НКРЯ. Из них были выделены 35 контекстов, в которых представлены случаи интерпретации коммуникативного замысла адресанта. В данную группу включались контексты, содержащие непосредственное указание на то, что собеседник действительно дешифровал коммуникативный замысел говорящего, реконструировал его и понял информацию, которую собирался донести ему адресант до того, как принял решение об ОКЗ. В тексте о факте интерпретации коммуникативного замысла говорящего свидетельствует либо использование глаголов с семантикой понимания (*понять – понимать, сообразить – сообразить* и др.) в ремарках автора или внутренней речи героя, либо дальнейшее коммуникативное поведение слушающего.

Использовался метод контекстуального анализа.

Результаты и их обсуждение

По результатам анализа основания для построения ИГ были объединены в четыре группы.

Частичная вербализация коммуникативного замысла. Наиболее очевидную и перспективную возможность для построения достоверных ИГ предоставляет факт частичной вербализации коммуникативного замысла, когда адресант принимает решение об ОКЗ уже в процессе говорения.

В подобных ситуациях релевантными являются две характеристики вербализованного фрагмента. В первую очередь это объем вербализованной части высказывания. Очевидно, что чем больше человек успел сказать, тем легче собеседнику строить ИГ. Однако важен не только объем вербализованного фрагмента, или соотношение вербализованной и невербализованной частей высказывания, но и семантико-прагматические особенности соответствующих фрагментов. Продемонстрируем это на примере интерпретации коммуникативного замысла в ситуации, когда озвучена главная часть сложноподчиненного предложения с определительной (3) и изъяснительной (4) придаточными частями. Синтаксические конструкции подобного рода оказываются наиболее характерными для данного типа реконструкции коммуникативного замысла говорящего.

(3) – *Мне тяжело говорить вам все это... Я знаю, где я нахожусь... Мне трудно говорить так о близком человеке, которого я...*

Она осеклась, смутилась, а Птицын про себя отметил: «Пожалуй, я начинаю проникать в тайну, которую не отнесешь к категории государственных. Вот уж действительно – молодость не умеет таить своих чувств» (НКРЯ (Тайник // Огонек. 1970. № 5–6, 8–13)).

В данном контексте вербализованный фрагмент коммуникативного замысла говорящего представляет собой сложноподчиненное предложение с неполной придаточной определительной частью. О построении ИГ позволяют судить слова *начинаю проникать в тайну* во внутренней речи адресата. В качестве опоры для интерпретации выступает главная часть предложения, в которой содержится существенная информация о степени близости между говорящим и тем, кто обсуждается.

(4) – *Тогда посидите, расскажите мне о Григории Ивановиче. Он пишет, что... – Она что-то осеклась. Профессор посмотрел и опустил на стул.*

⁵Здесь и далее полужирный курсив в цитатах наш. – О. М.

– Ну, **что он пишет, я не знаю**, – сказал он без улыбки, – но передать вам он мне кое-что да наказал (НКРЯ (Домбровский Ю. О. Рождение мыши. 1951–1956)).

В приведенном примере вербализованный фрагмент коммуникативного замысла говорящего представляет собой сложноподчиненное предложение с неполной придаточной изъяснительной частью. Несмотря на то что адресант полностью озвучивает главную часть предложения, слушающий не может реконструировать коммуникативный замысел говорящего, поскольку содержащейся в ней информации недостаточно для построения ИГ.

Различия между исследованными контекстами объясняются тем, что рассмотренные предложения имеют несхожие семантические структуры. В примере (3) это сложноподчиненное предложение с придаточной определительной частью, причем и в главной, и в придаточной частях выражается диктумная информация – «объективное внеязыковое содержание» [14, с. 96]. Другими словами, передается сообщение, которое «сопровождается указанием на его целенаправленность (повествование – волеизъявление – вопрос), отнесенность или неотнесенность к определенному субъекту, а также, в случае отнесенности к субъекту, на коммуникативные намерения последнего» [15, с. 472]. В примере (4) это сложноподчиненное предложение с придаточной изъяснительной частью. В предложениях такого типа диктумная информация содержится в придаточной части, а в главной части передается модус, т. е. «субъективное отношение, коммуникативная целеустановка» [14, с. 96] и «характеризующий аспект высказывания» [15, с. 472]. Соответственно, в случаях, когда адресант отказывается от реализации коммуникативного замысла, озвучив главную часть сложноподчиненного предложения с придаточной изъяснительной частью, в которой выражается диктумная составляющая пропозиции, или «представление, воспринятое чувствами, памятью или воображением», его собеседник может судить лишь о модальной части высказывания, т. е. о «производимой над этим представлением мыслящим субъектом психической операции» [16, с. 44].

В случаях, когда незавершенное высказывание имеет другие типы синтаксических структур, построение ИГ также возможно, однако поскольку информации, содержащейся в подобном фрагменте, бывает недостаточно, то при реконструкции коммуникативного замысла говорящего собеседник опирается на другие основания.

Существование контекста. Как известно, в лингвистике выделяются два вида контекста – лингвистический и экстралингвистический. Под лингвистическим понимается контекст, «ограничиваемый рамками чисто языкового воплощения содержания коммуникации и детерминируемый конкретной языковой системой и закономерностями формирования лексических и грамматических значений речевого акта» [17, с. 38]. Лингвистический контекст играет важную роль в интерпретации коммуникативного замысла говорящего, поскольку значение той или иной семантической единицы языка раскрывается в связи со смыслом других высказываний. В ситуациях ОКЗ такой вид контекста позволяет реконструировать коммуникативный замысел говорящего на основе информации, ранее озвученной в текущем диалогическом взаимодействии. При построении ИГ собеседник может опираться на грамматические связи между высказываниями (5).

(5) – *Не шутите, Ветер, – нахмурилась Веда, – я говорю серьезно. Когда я узнала вас, командовавшего всей силой Земли, говорившего с дальними мирами... Там, на ваших обсерваториях, вы могли быть сверхъестественным существом древних, как это они называли, – богом! А здесь, на нашей простой работе, наравне со многими, вы... – Веда умолкла.*

– *Что же я, – с любопытством допытывался ее собеседник, – потерял величие?* (НКРЯ (Ефремов И. А. Туманность Андромеды. 1956)).

В данном контексте реконструкция коммуникативного замысла говорящего возможна благодаря использованию адресантом в последнем предложении противительного союза *а*. С точки зрения семантики высказывания противопоставляются, что позволяет слушающему определить значение невербализованного фрагмента, которое противоположно значению предыдущего предложения.

Экстралингвистический контекст толкуется как «ситуация коммуникации, включающая условия общения, предметный ряд, время и место коммуникации, самих коммуникантов, их отношения друг к другу и т. п.»⁶. В случае построения ИГ на основе экстралингвистического контекста адресат опирается на текущую обстановку, условия протекания разговора, действия, предшествующие отказу, и другие обстоятельства (6).

(6) – *Георгий Николаевич, – позвала Клара сзади.*

Он остановился. Оказывается, за своими мыслями он шел все быстрее и быстрее и ушел так далеко, что пришлось его догонять. Она тяжело дышала. Волосы лезли на глаза. Она провела рукой по лицу, отбрасывая их.

⁶Контекст // Лингвист. энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 238.

И вдруг почти истерическая нежность и чувство вины охватили его. Он схватил ее за руку.
– **Кларочка**, – сказал он, – **я ведь совсем...** – И он хотел сказать, что он совсем, совсем забыл о ней, и осекся.

Он не забыл о ней. Он просто думал о Лине. Он знал за собой это – когда задумывается, то бежит. Чем больше задумывается, тем быстрее бежит.

– **Ничего**, – сказала Клара и скинула рюкзак. – *Только жарко уж очень* (НКРЯ (Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей. 1978)).

В приведенном контексте адресат сообщения строит ИГ исходя из ситуации: коммуниканты шли вместе, но в какой-то момент мужчина ускорился, забыв о спутнице. Окликнув его, женщина проанализировала обстановку и коммуникативное поведение адресанта, построила правильную ИГ и ответила собеседнику таким образом, будто коммуникативный замысел говорящего был реализован полностью.

Невербальное поведение адресанта. В число оснований, позволяющих собеседнику распознать коммуникативный замысел говорящего, входят также невербальные средства общения. Как отметил Г. Е. Крейдлин, «невербальная коммуникация является одной из важнейших областей функционирования знаков и знаковой информации и занимает значительное место в жизни человека и общества» [18, с. 6].

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что кинемы («значащие положения и изменение положения человеческого тела и лица», к которым относятся «мимика, пантомимика (жесты, движения, позы)»⁷) могут иметь как коммуникативный, так и некоммуникативный характер. Под коммуникативными кинемами понимаются действия, которые «несут преднамеренное сообщение первоначальному коммуникатору по поводу его высказывания», а под некоммуникативными кинемами – действия, которые «не осознаются адресатом во время восприятия сообщения, но тем не менее в той или иной мере говорят о его отношении к сообщению коммуникатора или окружающей действительности»⁸.

Следовательно, важно разграничивать ситуации, в которых адресант сообщения прибегает к коммуникативным невербальным действиям, т. е. намеренно использует средства несловесного общения и «с их помощью... сознательно передает информацию» собеседнику [19, с. 36], и случаи, в которых элементы языка тела адресанта носят некоммуникативный характер. Ситуации первого типа не рассматриваются как случаи ОКЗ, поскольку говорящий использует невербальные средства в замещающей функции и в полной мере реализует коммуникативный замысел (7).

(7) – *Гораздо важнее, что говорит по этому поводу ваша совесть.*

– *Для церкви она не судья. Важно суждение моих начальников, хотя...*

Шуман не договорил и сделал жест, означавший, что ему теперь все безразлично (НКРЯ (Шпанов Н. Н. Ученик чародея. 1935–1950)).

В приведенном контексте говорящий не произносит высказывание до конца, тем не менее он полностью реализует коммуникативный замысел, обращаясь к невербальным средствам, которые в данном случае заменяют лексически невыраженную часть сообщения.

В ситуациях второго типа, т. е. в случаях ОКЗ, невербальное поведение адресанта носит произвольный характер, и при реконструкции коммуникативного замысла говорящего собеседник опирается лишь на те движения, которые адресант совершает неосознанно (8).

(8) – *Они там все уснули. А милицию вызвала одна из присутствовавших там дам. Приехали – братва спит. На кухне труп. Ну, понятно, всех взяли, привезли, стали колоть. Все – в отказ. Отправили в предва- риловку. А там и пошло...*

Бекетов хотел было спросить, что же именно там «пошло», но, памятуя данное себе слово держаться индифферентно, промолчал. Однако следователь заметил немой вопрос, все-таки блеснувший в глазах Гавриила Семеновича, и ответил:

– *Что пошло? То самое* (НКРЯ (Белозеров А. Чайка. 2001)).

Наличие у собеседников общей коммуникативной пресуппозиции. Общая коммуникативная пресуппозиция – «представление говорящего о степени осведомленности адресата речи (коммуникативные пресуппозиции)» [20, с. 89]. Как отметила И. Н. Борисова, коммуникативная пресуппозиция отражает «личностные характеристики коммуникантов и их межличностные отношения (историю общения)» [21, с. 91]. Другими словами, это общий фонд знаний коммуникантов друг о друге и их жизни, информация, известная лишь им двоим или весьма ограниченному кругу людей.

⁷Баженова И. С. Обозначения эмоций в художественном тексте (прагматический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. М., 2004. С. 13.

⁸Там же. С. 14.

В процессе коммуникации сформированная у собеседников общая пресуппозиция позволяет им с высокой степенью точности догадываться о том, что хотел сказать адресант сообщения (9).

(9) – Папа тогда уходил. <...> А папа сказал, что очень меня любит, даже больше своей женщины, и вообще жизнь, мол, у нас только начинается. И будет она – во жизнь! Он выставил большой палец, а ноготь у него был синий-синий, он его прищемил дверью. Поверить в синий ноготь сил не было. С тех пор я и не верю никому. Кроме Алеши.

– Но разве... – начала было я.

– Нет, – сказала она. – С Димоном было чистое любопытство, познание – и не больше (НКРЯ (Щербакова Г. Н. Моление о Еве. 2000)).

В данном контексте одна из подруг делится историей о потере доверия ко всем людям, за исключением некоего человека. Собеседница, в свою очередь, знает подробности личной жизни подруги и актуализирует эту информацию, обращаясь к общей пресуппозиции. Структурно фрагмент озвученного высказывания представляет собой часть вопросительной конструкции, состоящей из противительного союза *но* и вопросительной частицы *разве*, и в нем не содержатся сведения, которые бы напрямую указывали на то, о каком человеке идет речь. Однако, несмотря на это, адресат успешно распознает коммуникативный замысел говорящего.

Кроме того, интерпретация коммуникативного замысла говорящего с опорой на общую пресуппозицию возможна в случаях, когда адресант, принявший решение об ОКЗ, ничего не произносит. Как правило, в подобных ситуациях коммуниканты хорошо знают друг друга и имеют довольно близкие отношения, что обуславливает их способность понимать друг друга без слов (10).

(10) – Не, не, не, – сказал Боголюбов, ложкой поедая пенку с капучино. – Вот тут ошибка. Он ее герой не потому, что она раскисла. Он герой, потому что избавил ее от подонка. Если я правильно понимаю, он навсегда избавит ее от всякого рода подонков.

Лера хотела возразить, но не стала и глотнула кофе.

– Вот именно, – продолжал Боголюбов, отвечая на то, что она не сказала, – рано или поздно это должно было случиться (Устинова, с. 333).

В приведенном примере представлен разговор двух бывших супругов, которые долгое время прожили вместе. Как следствие, коммуниканты обладают общими знаниями, благодаря чему один из них успешно распознает коммуникативный замысел собеседника.

Комбинация оснований. Нередко, выстраивая ИГ, говорящий использует сразу несколько оснований для реконструкции невербализованной части высказывания. В случаях, когда озвученной информации недостаточно для построения ИГ, одной из распространенных комбинаций является сочетание частичной вербализации коммуникативного замысла и другого основания (см. примеры (3) – (9), в частности, в контексте (3) главную роль играет озвученный фрагмент замысла, а второстепенную – общая пресуппозиция). Интересны также случаи реконструкции коммуникативного замысла говорящего с опорой на несколько оснований в ситуациях ОКЗ, когда вербализация коммуникативного замысла полностью отсутствует (11).

(11) И тут же в трубке раскатился и завибрировал миролюбивый, увещевающий бас Варичева:

– Федор Иванович? Надо бы поговорить...

– У нас, по-моему, все бумаги подписаны. Все решено.

– Не все, дорогой. Только начинается. Приходи, поговорим...

Федору Ивановичу *хотелось сказать еще что-нибудь твердое – терять все равно было нечего. Но удержался. Уже понимал: надо учиться у природы молчанию. Твердые слова и жесты – прекрасная пища для хорошего уха. Они служат только обнаружению того, что держишь на самом дне души.*

Но и молчание его оказалось красноречивым.

– Федор Иванович, ты, как я понимаю, обиделся... Вылезай скорей из бутылки. Дело общее, касается и тебя, и нас (НКРЯ (Дудинцев В. Д. Белые одежды. 1987)).

В приведенном примере представлен разговор ректора института и доцента, которые тесно общаются по работе и знают характеры друг друга, что выступает в качестве общей коммуникативной пресуппозиции. Вторым опорным элементом, благодаря которому собеседнику удастся расшифровать нереализованный коммуникативный замысел говорящего, является невербальная реакция адресанта, а именно его молчание.

Иногда в ситуации ОКЗ адресат сообщения может строить ИГ с опорой на три основания (12).

(12) Потом женщина, доверительно перегнувшись ко мне над столом, кивнула головой в сторону операционной:

– Вы слышали... Он сказал, возможно, будет нужна кровь. Если им не привезут. Вернее, если не успеют привезти... До того, как она им понадобится, – помолчав, тихо добавила она.

Я встрепенулась, попросила шепотом:

– Можно мне?

Женщина понимающе кивнула головой.

– Да, да, я и подумала, что тебе бы надо. Хоть немного от души отлегло бы. Только подойдет ли группа крови. **И потом...**

Женщина вдруг замолчала, ее взгляд ушел от меня. Глаза стали невидящими и немигающими. Я поняла, что значило это «потом...». Разве могла бы я позволить кому-нибудь на свете отдать кровь моему ребенку, случись с ним такое, если бы во мне оставалась хоть капля собственной крови, так необходимой ему (НКРЯ (Маркова Е. Г. Мяч. 1990–2000)).

В данном контексте реконструировать коммуникативный замысел говорящего помогают информация, содержащаяся в вербализованной части высказывания, коммуникативная пресуппозиция (сын адресанта сообщения находится в тяжелом состоянии после аварии, которую совершила женщина-рассказчик), а также неосознанное невербальное поведение собеседницы.

Заключение

Несмотря на то что реконструкция коммуникативного замысла говорящего в ситуациях ОКЗ может казаться сложной и на первый взгляд даже не всегда решаемой коммуникативной задачей, вероятность осуществления такой реконструкции все же имеется. Это становится возможным благодаря учету адресатом в процессе диалогического взаимодействия четырех факторов, или оснований: частичной вербализации коммуникативного замысла, существования контекста, невербального поведения адресата и наличия у собеседников общей коммуникативной пресуппозиции. Такие основания могут использоваться слушающим как автономно, так и комплексно. Кроме того, корреляции между возможностью интерпретации коммуникативного замысла и степенью его вербализации являются неоднозначными. В случае неполной вербализации высказывания говорящим адресат может успешно распознать коммуникативный замысел собеседника или не понять то, что хотел сказать ему адресант сообщения. В подобных ситуациях вероятность построения адекватной ИГ зависит от структурного и семантического характера озвученного фрагмента, т. е. наличия или отсутствия в нем важной информации.

Сокращения

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.12.2022);
Устинова – Устинова Т. В. Чудны дела твои, Господи! // Шекспир мне друг, но истина дороже. Чудны дела твои, Господи! / Т. В. Устинова. М.: Изд-во «Э», 2016. С. 271–541.

Библиографические ссылки

1. Городецкий БЮ, Кобозева ИГ, Сабуров ИГ. К типологии коммуникативных неудач. В: Нариньяни АС, редактор. *Диалоговое взаимодействие и представление знаний*. Новосибирск: Вычислительный центр Сибирского отделения АН СССР; 1985. с. 64–78.
2. Голетиани Л. *Коммуникативная неудача в диалоге: на материале русского и украинского языков*. Мюнхен: Otto Sagner Verlag; 2003. 412 с.
3. Ермакова ОП, Земская ЕА. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога). В: Земская ЕА, Шмелёв ДН, редакторы. *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. Москва: Наука; 1993. с. 30–64.
4. Ильенко СГ. К поискам ориентиров речевой конфликтологии. В: Ильенко СГ, редактор. *Аспекты речевой конфликтологии*. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена; 1996. с. 3–13.
5. Мустайоки А. Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего. В: Кибрик АА, Кошелев АД, редакторы. *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика*. Москва: Языки славянской культуры; 2015. с. 543–560.
6. Серебрякова АЮ. Экстралингвистические причины коммуникативных неудач. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2015;12(4):34–37. DOI: 10.14529/ling150407.
7. Богданова-Бегларян НВ, Маслова ЕР. Русские контактные глаголы в устной спонтанной речи: объем словника и функционально-семантическое разнообразие. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2019;3(15):158–184. DOI: 10.30842/alp23065737153061.
8. Добровольский ДО, Левонтина ИБ. Дискурсивные частицы и способы их перевода: ну в романе Владимира Сорокина «Очередь». В: Селегей ВП, редактор. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. 2017;16:106–117.
9. Лебедев РВ. Способы преодоления коммуникативного затруднения говорящего в диалоге. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018;3:127–136.
10. Подлеская ВИ. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. 2013;12:631–634.
11. Иссерс ОС. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва: УРПС; 2002. 284 с.

12. Олешков МЮ. *Моделирование коммуникативного процесса*. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия; 2006. 342 с.
13. Макаров МЛ. *Основы теории дискурса*. Москва: Гнозис; 2003. 280 с.
14. Краснова ТИ. *Субъективность – модальность (материалы активной грамматики)*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; 2002. 189 с.
15. Шведова НЮ, редактор. *Русская грамматика. Том 2, Синтаксис*. Москва: Наука; 1980. 662 с.
16. Балли Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. Вентцель ЕВ, Вентцель ТВ, переводчики. Москва: Издательство иностранной литературы; 1955. 416 с.
17. Колшанский ГВ. *Контекстная семантика*. Москва: Высшая школа; 1980. 152 с.
18. Крейдлин ГЕ. *Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык*. Москва: Новое литературное обозрение; 2002. 592 с.
19. Верещагин ЕМ, Костомаров ВГ. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка). *Вопросы языкознания*. 1981;1:36–47.
20. Арутюнова НД. Понятие пресуппозиции в лингвистике. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 1973;32(1):89–94.
21. Борисова ИН, Данилов СЮ, Матвеева ТВ, Розанова НН, Шалина ИВ. *Русское повседневное общение: прагматика, культурология*. Екатеринбург: Гуманитарный университет; 2018. 442 с.

References

1. Gorodetskii BYu, Kobozeva IG, Saburov IG. [To the typology of communication failures]. In: Narin'yani AS, editor. *Dialogovoe vzaimodeistvie i predstavlenie znanii* [Dialogue interaction and knowledge representation]. Novosibirsk: Vychislitel'nyi tsentr Sibirskogo otdeleniya AN SSSR; 1985. p. 64–78. Russian.
2. Goletiani L. *Kommunikativnaya neudacha v dialoge: na materiale russkogo i ukrainskogo yazykov* [Communicative failure in a dialogue: on the material of the Russian and Ukrainian languages]. München: Otto Sagner Verlag; 2003. 412 p. Russian.
3. Yermakova OP, Zemskaya EA. [To the construction of a typology of communicative failures (based on the natural Russian dialogue)]. In: Zemskaya EA, Shmelev DN, editors. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* [Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect]. Moscow: Nauka; 1993. p. 30–64. Russian.
4. Il'enko SG. [To the search of the benchmarks of speech conflictology]. In: Il'enko SG, editor. *Aspekty rechevoi konfliktologii* [Aspects of speech conflictology]. Saint Petersburg: Herzen University; 1996. p. 3–13. Russian.
5. Mustaioki A. [Communication failures from the point of view of the needs of the speaker]. In: Kibrik AA, Koshelev AD, editors. *Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and thought: contemporary cognitive linguistics]. Moscow: Languages of Slavic culture; 2015. p. 543–560. Russian.
6. Serebryakova AYu. Extralinguistic reasons of communication failures. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*. 2015;12(4):34–37. Russian. DOI: 10.14529/ling150407.
7. Bogdanova-Beglarian NV, Maslova ER. Russian contact verbs in oral speech: glossary and functional and semantic variety. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2019;3(15):158–184. Russian. DOI: 10.30842/alp23065737153061.
8. Dobrovol'skij DO, Levontina IB. Discourse particles and their translation: *ну* in Vladimir Sorokin's novel «The queue» («Ochered'»). *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. 2017;16:106–117. Russian.
9. Lebedevich RV. Moods of overcoming communicative difficulties of the speaker in dialogue. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:127–136. Russian.
10. Podlesskaya VI. Vague reference in Russian: evidence from spoken corpora. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. 2013;12:631–634. Russian.
11. Issers OS. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communication strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: URRS; 2002. 284 p. Russian.
12. Oleshkov MYu. *Modelirovanie kommunikativnogo protsessa* [Communication process modelling]. Nizhny Tagil: Nizhneta-gil'skaya gosudarstvennaya sotsial'no-pedagogicheskaya akademiya; 2006. 342 p. Russian.
13. Makarov ML. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory]. Moscow: Gnozis; 2003. 280 p. Russian.
14. Krasnova TI. *Sub'ektivnost' – modal'nost' (materialy aktivnoi grammatiki)* [Subjectivity – modality (active grammar material)]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i finansov; 2002. 189 p. Russian.
15. Shvedova NYu, editor. *Russkaya grammatika. Tom 2, Sintaksis* [Russian grammar. Volume 2, Syntax]. Moscow: Nauka; 1980. 662 p. Russian.
16. Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. Venttsel' EV, Venttsel' TV, translators. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury; 1955. 416 p. Russian.
17. Kolshanskii GV. *Kontekstnaya semantika* [Contextual semantics]. Moscow: Vysshaya shkola; 1980. 152 p. Russian.
18. Kreidlin GE. *Neverbal'naya semiotika: yazyk tela i estestvennyi yazyk* [Non-verbal semiotics: body language and natural language]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2002. 592 p. Russian.
19. Vereshchagin EM, Kostomarov VG. [On diversity of reflection of facial expression and gesture with verbal means (on materials from the Russian language)]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1981;1:36–47. Russian.
20. Arutyunova ND. [The concept of presupposition in linguistics]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1973;32(1):89–94. Russian.
21. Borisova IN, Danilov SYu, Matveeva TV, Rozanova NN, Shalina IV. *Russkoe povsednevnoe obshchenie: pragmatika, kul'turologiya* [Russian daily communication: pragmatics, culturology]. Yekaterinburg: Liberal Arts University; 2018. 442 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.02.2023.
Received by editorial board 21.02.2023.